

URBAN IMAGINARY В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Е. И. Спешилова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
e.speshilova@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда,
проект № 23-28-01232, <https://rscf.ru/project/23-28-01232/>

Рассматривается концептуализация темы urban imaginary в контексте городских исследований. Анализируются теоретические предпосылки формирования понятия «городское воображаемое» и различные варианты его определения. Утверждается, что городское воображаемое значимо для выявления уникальности конкретного обитаемого места, понимания культурных смыслов, которые с ним связаны, и соответствующих паттернов социального поведения. Показывается, что городским воображаемым именуется набор представлений о городе, то есть совокупность ментальных, образных и символических репрезентаций городской среды. Такие репрезентации города могут быть индивидуальными и коллективными, текстуальными и визуальными, субъективными и закрепленными в культурных практиках, притягательными и отталкивающими. Городское воображаемое во многом предвосхищает и обуславливает фактическое восприятие города, воздействует на тактику дальнейшего взаимодействия человека с городским пространством. Urban imaginary может выступать в качестве стимула развития городских территорий или, наоборот, причины их деградации и упадка, может служить как способом привлечения туристов и новых горожан, так и основанием туристической непривлекательности места и импульсом для миграции резидентов. Автор обнаруживает истоки темы городского воображаемого в концептах «социальное воображаемое» и «географическое воображаемое». В этих концептах фиксируется перенос фокуса внимания с данности объекта исследования как некоторого естественного факта на его заданность, сконструированность посредством ментального, символического и образного осмысления, которое в конечном счете и служит ключевым инструментом производства общества, производства пространства и производства города. Также в статье исследуется значение городского воображаемого в христианской культуре и демонстрируется, что urban imaginary играет особую роль в качестве инструмента осмысления, создания и трансформации христианских городских пространств и становится одним из способов демонстрации религиозной веры. В заключение автор показывает, что городское воображаемое оказывает существенное влияние на реальную городскую прагматику и позволяет горожанам реализовать свое право на город.

Ключевые слова: городские исследования, городское воображаемое, символический ландшафт, культурные значения, социальные и пространственные структуры, город в христианстве, город как экзистенциальное пространство, право на город

THE IMAGINARY IN URBAN STUDIES

Elizaveta I. Speshilova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russian Federation
iskiteam@yandex.ru

The study was funded by the Russian Science Foundation,
Project No. 23-28-01232, <https://rscf.ru/project/23-28-01232/>

The article deals with the conceptualization of the notion “imaginary” in urban studies. The author analyzes the theoretical prerequisites for the formation of the concept “urban imaginary” and various options for its definition. She argues that the urban imaginary is significant for identifying the uniqueness of a particular inhabited place, understanding the cultural meanings associated with it, and the corresponding patterns of social behavior. The author shows that the urban imaginary is a set of representations of the city, that is, a complex of mental, figurative and symbolic representations of the urban environment. Such representations of the city can be individual and collective, textual and visual, subjective and fixed in cultural practices, attractive and repulsive. The urban imaginary in many ways anticipates and determines the actual perception of the city, influences the tactics of further human interaction with the urban space. In addition, the urban imaginary can act as a stimulus for the development of urban areas or, conversely, as a cause of their degradation and decline. It can serve as a way to attract tourists and new citizens, as well as the reason for the tourist unattractiveness of a place and an impulse for resident migration. The author discovers the origins of the theme of the urban imaginary in the concepts “social imaginary” and “geographical imaginary”. In these concepts, the focus of attention is shifted from the givenness of the object of study as some natural fact to its construction through mental, symbolic and figurative comprehension, which ultimately serves as a key tool for the production of society, the production of space, and the production of the city. The author also explores the significance of the urban imaginary in Christian culture and demonstrates that it plays a special role as a tool for conceptualizing, creating and transforming Christian urban spaces, and becomes one of the ways of demonstrating religious faith. In conclusion, the author argues that the urban imaginary has a significant impact on real urban pragmatics and allows citizens to realize their right to the city.

Keywords: urban studies, urban imaginary, symbolic landscape, cultural meanings, social and spatial structures, city in Christianity, city as existential space, right to city

DOI 10.23951/2312-7899-2023-4-59-78

Введение

Город как культурное пространство представляет собой не только конфигурацию материальных объектов разной степени эстетической ценности, но и определенный символический дискурс, отражающий своеобразие места, его уникальность и неповторимость. Как пишет Рольф Линднер, город «образует универсум представлений, который перекрывает физический город постольку, поскольку являет собой пространство, познаваемое и переживаемое *сквозь* сопровождающие тексты и изображения» [Линднер 2019, 105]. С точки зрения немецкого исследователя, эти представления, наполненные историями о значимых для данного места людях и событиях и насыщенные локальными мифами и притчами, образуют «воображаемое» города (*urban imaginary*). Такое воображаемое города (или, что то же самое, городское воображаемое) не противопоставляется реальности, но опирается на нее и особым образом ее углубляет [Lindner 2021, 114], формируя дополнительный пласт значений, ассоциаций и эмоциональных связей.

Городское воображаемое интересно не только само по себе – как призма, сквозь которую можно увидеть индивидуальность того или иного города, понять смыслы, которые транслируются в конкретной городской среде, и соответствующие им паттерны социального поведения, – но и как фактор влияния на реальные пространственные формы и экономическое благополучие различных городов и регионов [Zukin et al. 1998, 628]. *Urban imaginary* может быть индивидуальным и коллективным, текстуальным и визуальным, субъективным и закрепленным в культурных практиках, притягательным и отталкивающим. Образ города – исторически сложившийся или преднамеренно сформированный – может выступать в качестве стимула развития городских территорий или, наоборот, в качестве причины их деградации и упадка, может стать как способом привлечения туристов и новых горожан, так и основанием туристической непривлекательности места и импульсом для миграции резидентов. То, как мы воображаем определенное городское пространство на основании информации, полученной из различных

источников (медиаресурсов, кино, фотографии, художественного дискурса и т.д.), зачастую предвосхищает (или даже замещает) фактическое восприятие города и формирует стратегию дальнейшего взаимодействия с ним: определяет, будем ли мы стремиться посетить этот город, захотим ли затем вернуться в него вновь или будем старательно избегать знакомства с ним и новых встреч.

Все это говорит о том, что города не просто существуют, не просто объективно даны: они воображаются. Марк Оже, например, полагает, что «город существует благодаря сфере *воображаемого*», представленной не только искусством (ил. 1), романами и поэзией, но и исходной системой общих социальных значений; наличие такой системы является минимальным условием, «благодаря которому могут осуществляться процедуры воображения» [Оже 1999]. При этом для понимания *воображаемого* города, по его мнению, необходимо не только проанализировать сам город и те трансформации, которые с ним происходят в современности, но и задаться вопросом о роли воображаемого в эпоху тотальной экспансии образности.

Ил. 1. Париж из окна. Марк Шагал, 1913.
Музей Соломона Гутенхайма, Нью-Йорк

Исследовательский интерес к теме городского воображаемого как в контексте социального производства пространства, так и в рамках визуального поворота в целом явно прослеживается в зарубежных *urban studies* последних десятилетий [Bloomfield 2006; Lindner 2006; Rose-Redwood, Bigon 2018, 263–278; Lindner, Meissner 2019], однако в российских *studia urbanica* он проявляется пока только в единичных случаях [Федотова 2020; Вахштайн¹ 2022]. Вместе с тем нельзя не отметить, что проблематика *urban imaginary* приобретает особую значимость в связи с развитием и активным распространением цифровых форм репрезентации городских пространств, которые нередко превалируют над реальными практиками восприятия городов. Мир и городское пространство «сегодня все более организует себя так, чтобы быть видимым, фотографируемым, снятым на кино- и фотопленку и в конечном счете быть спроецированным на экране» [Оже 1999], будь то гигантские медиафасады зданий и экраны кинотеатров или персональные телеэкраны, мониторы компьютеров и дисплеи смартфонов.

В данном исследовании я предлагаю сосредоточиться на становлении темы *urban imaginary* в контексте городских исследований, оставляя за рамками обсуждения обширную и крайне интересную тему формирования городского воображаемого в литературном дискурсе и рассматривая в качестве перспективы детальное изучение различных способов визуализации городского воображаемого. В этой связи прежде всего важно определить теоретические истоки конструирования самого понятия *urban imaginary*, выявить ключевые концептуальные положения, которые ассоциируют с ним разные авторы, и оценить те методологические возможности анализа городской среды, которые возникают на основе данного подхода.

Теоретические предпосылки возникновения темы *urban imaginary*

Явная концептуализация темы *urban imaginary* в контексте городских исследований произошла сравнительно недавно: первые публикации, посвященные непосредственно городскому воображаемому, стали появляться лишь в конце XX века [Soja 1996; Zukin et al. 1998], тогда как до этого изучение воображаемого и анализ городской среды пересекались, скорее, в контексте рассмотрения каких-либо иных тем, например в рамках обсуждения процессов

¹ По решению Министерства юстиции Российской Федерации включен в реестр физических лиц, исполняющих функции иностранного агента.

формирования образа города [Lynch 1960, 46]. Так, канадский исследователь Пьер Делорм показывает, каким образом в течение XX века трансформировались способы осмысления городской среды – от понимания природы и функционирования города в Чикагской школе социологии до интерпретации города «в терминах центрального понятия воображаемого» [Delorme 2005, 22]. Ретроспективный анализ различных урбанистических подходов демонстрирует, что методологические стратегии изучения города, свойственные Чикагской школе, а затем и марксистский анализ городских процессов в контексте понятий «государство» и «социальные классы» отражают городские реалии определенного времени, но в своих прогностических аспектах совершенно не учитывают те особенности городской жизни, которые проявились в контексте информационной эры с ее сетевыми сообществами и новыми информационно-коммуникационными технологиями. Для осмысления современной городской реальности необходимы новые методологические подходы и теоретические концепции.

В качестве основы такой концепции, позволяющей осмыслить городские преобразования, в том числе связанные с технологическими достижениями последних десятилетий, многие исследователи независимо друг от друга стали предлагать использовать понятие «городское воображаемое». Палитра определений этого понятия весьма разнообразна, однако общим для всех вариантов выступает понимание *urban imaginary* как набора «смыслов о городе, возникающих в конкретном историческом времени и культурном пространстве» [Zukin et al. 1998, 629]. При этом важно заметить, что становление темы городского воображаемого в социальных и гуманитарных науках происходит не спонтанно, но как развитие и применение к новому объекту – городской среде – категории воображаемого, изначально подробно проработанной в феноменологии Ж.-П. Сартра [Sartre 1940] и психоаналитической теории Ж. Лакана² [Lacan 1966], а затем получившей широкое распространение в рамках анализа общества и общественных отношений в виде понятия «социальное воображаемое» [Castoriadis 1975; Anderson 1983], которое активно используется и в современных научно-исследовательских работах.

И в применении к обществу, и в применении к городу воображаемым именуется совокупность значений, образов и представле-

² Как пишет Ролан Барт, воображаемое, по Лакану, – «это тот образ самого себя, которым располагает каждый индивид, его личная самотождественность, его “Я” (Moi). Формирование “воображаемого” происходит у ребенка в возрасте от 6 до 18 месяцев – на стадии, которую Лакан назвал “стадией зеркала”» [Барт 2008, 414].

ний, которая определяет способы восприятия человеком реальности, его взаимоотношения со средой и другими людьми и, более того, его образ жизни. И если социальное воображаемое – это некое символическое пространство общепринятых смыслов, имплицитно объединяющее различных индивидов и позволяющее им осуществлять совместные практики, или, иначе говоря, некий образ того или иного общества, то городское воображаемое – это область культурных значений, благодаря которой мы объединяем разрозненные, единичные восприятия городской среды в единый, цельный образ города.

Вместе с тем нельзя не отметить еще одно междисциплинарное научное направление, которое оказало значительное влияние на дискурс, посвященный *urban imaginary*, а именно воображаемую [Митин 2011, 70], или имагинальную [Замятин 2010, 27], географию (*imaginative geography*). Основателем концепции воображаемой географии принято считать американского литературоведа и теоретика культуры Эдварда Саида, который на примере критики западных представлений о Востоке (ориентализма) продемонстрировал, как посредством определенных образов и нарративов «изобретается», «производится» некое географическое пространство. В книге «Ориентализм», самой знаменитой своей работе, Саид отмечает:

Представления европейцев о Востоке трансформировались из глубоко текстуальных и созерцательных в административную, экономическую и даже военную форму. Это фундаментальное изменение имело пространственный и географический характер, или, скорее, это было изменение в характере географического и пространственного восприятия Востока. Многовековое обозначение географического пространства к востоку от Европы как «восточного» носило частью политический, частью доктринальный, частью имагинативный характер. Оно не обязательно было связано с реальным опытом Востока и знанием того, что значит «восточный» [Саид 2006, 326].

С точки зрения Саида, и понятие «Восток», и понятие «Запад» являются конструктами, которым не соответствует какая-то явно очерченная физическая данность. «Все подобные географические обозначения являются причудливой комбинацией эмпирического и имагинативного» [Саид 2006, 513], в которой каждая из сторон – Запад и Восток – выстраивает собственную идентичность на основе оппозиции воображаемому «Другому». Более того, в условном Западе, представленном прежде всего такими странами, как Велико-

британия и Франция, ориентализм – это культурное предприятие, идеологический дискурс с его научной традицией и различными институциональными формами, который не столько описывает Восток, сколько представляет (воображает) его в определенном свете, чтобы тем самым оправдать претензии Запада на доминирование в этом регионе.

Ценность имажинальной географии заключается в акцентировании внимания на том, что территории не просто являются частью природного ландшафта, но воображаются, воспринимаются и используются совершенно «различными сообществами, группами или отдельными людьми с разными целями и в рамках совершенно различных представлений» [Замятин 2010, 36]. У различных групп и индивидов формируется собственный географический образ определенного места, то есть «система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко, и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию» [Замятин 2010, 29]. Таким образом, в имажинальной географии различные пространства рассматриваются как «места, наделенные человеческими значениями» [Митин 2011, 71] (ср.: [Смирнов 2022, 12]). При этом одно и то же пространство оказывается связано с множеством ментальных репрезентаций и смысловых наслоений и может представлять как место детства, место памяти, место встречи, место любви и так далее в зависимости от его экзистенциальной значимости для воспринимающего (воображающего).

Все три перечисленных понятия – социальное, географическое и городское воображаемое – отражают изменение ключевого методологического подхода в гуманитарных науках, а именно перенос фокуса внимания с *данности* объекта исследования как некоторого естественного факта на его *заданность*, сконструированность посредством ментального, символического и образного осмысления, которое в конечном счете и служит ключевым инструментом производства общества, производства пространства и производства города.

Роль городского воображаемого в христианской культуре

Несмотря на то, что дискурс, посвященный urban imaginary, достаточно молод, само городское воображаемое можно обнаружить и в античных, и в средневековых городах, в тех образах и представлениях, которые с этими городами были связаны. В частности, особое значение воображаемое, в том числе и городское воображаемое,

имеет в христианской традиции. В данном случае следует говорить прежде всего не столько о процессе индивидуального воображения, сколько о коллективном, историческом и общественном механизме создания и закрепления воображаемого. В этой связи особенно примечательным является фундаментальный труд Жака Ле Гоффа «Средневековый мир воображаемого» [Ле Гофф 2001], в котором французский медиевист, анализируя преимущественно литературные источники и письменные свидетельства того времени, изучает образы, порожденные воображением средневекового общества. С точки зрения Ле Гоффа, исследование мира воображаемого, принадлежащего той или иной эпохе, позволяет понять аксиологические установки конкретного общества, его социальное устройство и историческое развитие: «...история без воображаемого – это история-инвалид, безжизненная история» [Ле Гофф 2001, 11]. Вместе с тем Ле Гофф отмечает, что само понятие воображаемого является весьма неопределенным и неоднозначным, тесно связанным с понятиями символического и идеологического, и предлагает рассматривать воображаемое в трех референтных системах: понятийной, текстуальной и образной. Иными словами, по его мнению, воображаемое присутствует в процессе осмысления, ментального постижения тех или иных объектов, в письменных источниках, исторических документах и литературе, а также в искусстве и иконографии. Собственно воображаемый мир средневекового города формируется на основе городской темы, представленной в библейском нарративе в двух диаметрально противоположных направлениях. С одной стороны, город представляется как пространство человеческой греховности и порочности (ил. 2), падшее и проклятое место (Вавилон, Содом и Гоморра); с другой стороны, именно город оказывается местом искупления, возможностью спасения (Иерусалим), а в эсхатологической перспективе – Небесным градом, пространством вечного пребывания праведников.

Показательным примером реализации *urban imaginary* в христианской культуре является Палестина, которая в европейском и русском сознании была представлена как «воображаемая территория» [Шаповалов и др. 2021, 15]. Такой подход, однако, не означает, что Палестина и Иерусалим, ее священный центр, интерпретируются как нечто мнимое, нереальное или ненастоящее, напротив, «воображаемый город в каком-то смысле реальнее того конкретного, шумного и многоликого города, в стенах которого протекает každодневная суэта» [Стародубцева 1996, 49], особенно если речь идет о сакральной территории. Священные места не только вообража-

лись на основании свидетельств паломников и путешественников, но нередко воплощались в совершенно иных городских пространствах, становясь предметом культурного трансфера. Так, к примеру, кальварии «с помощью архитектурных форм и скульптурных произведений визуально» воспроизводят «Крестный путь, проложенный по старому Иерусалиму» [Аванесов 2017, 79], позволяя жителям разных городов не просто представить и реконструировать библейские события, но в перформативном действии пережить их и совершить метафизическое паломничество.

Ил. 2. Вавилонская блудница как олицетворение антихристианского города.

Миниатюра Бамбергского Апокалипсиса, XI век.

Источник: <https://iskusstvoed.ru/wp-content/uploads/2017/07/43r.jpg>

Это свидетельствует о том, что городское воображаемое в христианской культуре играет особую роль в качестве инструмента осмысления, создания и трансформации реальных городских пространств и становится одним из способов демонстрации религиозной веры. Одни городские пространства могли изначально конструироваться по иерусалимской модели как новые сакральные центры, наполненные христианскими символами [Аванесов 2022, 90]; другие, напротив, могли пониматься как антихристианские территории, в которых транслировались принципиально иные ценности и смыслы. Так или иначе, воображаемое во многом определяло то, каким будет отношение к конкретному городскому пространству.

Urban imaginary в современных городских исследованиях

За последние годы число зарубежных публикаций, посвященных urban imaginary, значительно возросло. Городское воображаемое исследуют в русле анализа умных городов [Mosco 2019, 169–213], рассмотрения градостроительных планов и вопросов брендинга пространства [Bonakdar, Audirac 2021], изучения практик городского фланирования [Perry 2012, 75] и во многих других исследовательских перспективах. Однако среди всего этого многообразия авторских взглядов можно выделить несколько подходов, предложенных такими авторами, как Шарон Зукин, Эдвард Соджа и Пьер Делорм, которые оказали ключевое влияние на развитие и, самое главное, концептуализацию темы городского воображаемого. Далее мы подробнее остановимся именно на них.

Шарон Зукин, известная американская исследовательница городской культуры, уделяет особое внимание городскому воображаемому в статье “From Coney Island to Las Vegas in the urban imaginary” [Zukin et al. 1998], написанной в соавторстве с коллегами в рамках семинара по городской социологии. Авторы данной работы отмечают, что «хотя понятие воображаемого берет начало в постструктуралистских, психоаналитических дискуссиях о бессознательном, оно полезно для демонстрации социальной власти, которую культурные символы имеют над материальными формами – в том числе, как нам кажется, и над городами и регионами» [Zukin et al. 1998, 629]. Культурные символы и значения, в том числе имеющие отношение к конкретной городской среде, «хранятся и передаются коллективно – в литературных и религиозных канонах, визуальных образах и даже в таких обыденных и вернакулярных средствах массовой информации, как газетные статьи, голливуд-

ские фильмы и почтовые открытки» [Zukin et al. 1998, 629]. Со временем набор смыслов о городе, то есть городское воображаемое, может изменяться. И поскольку символические и материальные ландшафты тесно связаны друг с другом, изменение культурных значений влечет за собой трансформацию социальных и пространственных структур, приводит к их росту или упадку. При этом, подводя итоги исследованию, авторы статьи акцентируют внимание на том, что методология городского воображаемого позволяет понимать культурные значения и образ городских территорий, которые они формируют, «не только как продукты, которыми манипулируют растущие элиты, или как симулякры, но и как имплицитные тексты о территориях неравенства» [Zukin et al. 1998, 650], отражающие гетерогенность городской среды.

Изменение городского воображаемого можно проследить в новгородском социокультурном нарративе. Так, в административном дискурсе в отношении Великого Новгорода сейчас все чаще артикулируется идея города-университета³, тогда как раньше Новгород осмыслялся, скорее, как город-музей. На примере территории Великого Новгорода можно наблюдать, как символическое – идея города-университета – находит свое воплощение в развитии реальной городской среды: строительстве Новгородской технической школы и проекте по возведению современного университетского кампуса.

О том, что городское воображаемое имеет существенное значение для организации пространственного и социального порядка, пожалуй, наиболее последовательно и детально пишет Эдвард Соджа в своем фундаментальном труде “Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions” [Soja 2000]. Прежде всего он фиксирует тот факт, что и в самих мегаполисах, и в тех способах, с помощью которых мы понимаем, переживаем и изучаем города, произошли значительные трансформации:

Постфордистская реструктуризация экономики, нарастающая глобализация, коммуникационная и информационная революция, детерриториализация и ретерриториализация культур и идентичности, рекомпозиция городской формы и социальных структур и многие другие силы, формирующие переход к постметрополису, существенно изменили конфигурацию нашего городского воображаемого, размыв его некогда гораздо более четкие границы и смыслы, а также создав новые способы мышления и действия в городской среде. Судя по названиям репрезентативных текстов, мы,

³ <https://www.novreg.ru/press/news/press/103659/>

похоже, вступили в новое городское «гиперпространство» невидимых городов, постмодернистского урбанизма, электронных сетей, виртуальных сообществ, географии несуществующих мест, компьютерных искусственных миров, кибергородов, симулятивных городов⁴, бит-городов [Soja 2000, 324].

Принимая во внимания указанные трансформации и актуальные характеристики современных больших городов, Соджа предлагает именовать их постметрополисами. Именно в постметрополисах регулирование городской жизни и поддержание городского порядка переходят от жесткого принуждения к более мягким идеологическим манипуляциям [Soja 2000, 299], в том числе посредством перекройки городского воображаемого.

Опираясь на Анри Лефевра и развивая его идеи, Соджа выделяет три методологических подхода к изучению городской среды: концепцию первого пространства (Firstspace perspective), концепцию второго пространства (Secondspace perspective) и концепцию третьего пространства (Thirdspace perspective). Город в разрезе первого пространства – это «вещи в пространстве», набор материализованных пространственных практик, которые совместно производят и воспроизводят «конкретные формы и специфические паттерны урбанизма как образа жизни»; другими словами, «здесь городское пространство физически и эмпирически воспринимается как форма и процесс, как измеряемые и отображаемые конфигурации и практики городской жизни» [Soja 2000, 10]. Город в разрезе второго пространства – это «мысли о пространстве», то самое городское воображаемое, представляющее собой область ментального, символического и образного осмысления города. В качестве примеров репрезентации городского пространства американский исследователь приводит ментальные карты, отражающие восприятие городской среды горожанами, представления о городской утопии и в целом построение городской эпистемологии, то есть той основы, которая будет определять метод изучения города и объяснять происходящие в нем процессы. Наконец, концепция третьего пространства, которую предлагает Соджа, позволяет синтези-

⁴ Речь идет о компьютерной игре SimCity, особенно популярной в 90-е годы XX века, – градостроительном симуляторе, в котором каждый пользователь создает свой виртуальный город, развивает промышленность, здравоохранение, коммерческий сектор, рекреационные зоны и т.д., чтобы повысить уровень жизни своих горожан, управляет городскими процессами и решает классические городские проблемы путем борьбы с преступностью, работы над транспортной доступностью районов, нивелирования последствий стихийных бедствий и т.д.

ровать первые два подхода и показать, что город – это жизненное пространство, одновременно воспринимаемое и мыслимое, объективно реальное и субъективно воображаемое [Soja 2000, 351], которое проживается человеком в индивидуальном и коллективном опыте. В этом отношении понимание города как экзистенциально-го пространства похоже на написание биографии, интерпретацию жизненного пути личности.

Созвучные идеи мы встречаем в работе Пьера Делорма, который, как и Соджа, демонстрирует, что город существует в двух планах: как физическая конструкция, состоящая из зданий, парков, улиц, площадей и т.д., и как символическое пространство, включающее представления, «которые мы создаем о городе и которые объясняют его природу не меньше, чем воспринимаемая реальность» [Delorme 2005, 25]. Он пишет:

...попытка понять город с точки зрения воображения открывает путь к пониманию сложности природы человека и его взаимоотношений с окружающей средой. Она предлагает новые способы осмысления городской реальности и путей ее преобразования. Воображаемое объясняет, что преобразование среды – это нормальный жест, основанный на символическом представлении, которое человек создает о своем окружении. Это оригинальный подход, который открывает путь к новому пониманию города, новому взгляду на городскую реальность и ее развитие [Delorme 2005, 25].

Для адекватного понимания городской среды необходимо выявить и проанализировать образ города, который сложился у горожан, присмотреться к полифонии личных способов мышления о городе, авторским и коллективным вариантам интерпретации места, в котором человек живет (ил. 3). Именно жители наделяют город «душой и повседневной жизнью», по-своему думают о нем, идентифицируют себя с окружающей средой, осваивают и преобразуют городское пространство [Delorme 2005, 24]. Пьер Делорм делает весьма точное замечание о том, что воображаемое, как и другие модные понятия, может означать что угодно и как угодно, однако далее добавляет, что данный термин важен постольку, поскольку он означает не просто обращение к нематериальному, но теоретическое познание бытия, единичного или в его коллективном измерении, которое придает человеку смысл жизни в обществе.

Как и вышеупомянутые авторы, Делорм видит в городском воображаемом ресурс для противодействия стремлению государства к гомогенизации индивидов, способ выйти за рамки стандартиза-

ции, унификации социальных отношений и городских пространств [Delorme 2005, 25].

Ил. 3. Географически неточная карта Лондона. Автор: Anika Mottershaw.
Источник: <http://www.wandermaps.net/#/london-uk2/>

Городское воображаемое, конечно, активно используется и в политическом дискурсе как инструмент выстраивания государственной идеологии (здесь можно вспомнить пример Северной Кореи), однако человек как мыслящее существо, которое обладает воображением и стремится понять свое место в мире, будет пытаться проявить свое право говорить о городе (и государстве), свое право жить в городе и преобразовывать его согласно личным убеждениям, ценностям и нормам. То, что человек воображает о том или ином месте, имеет вполне реальные эффекты и в итоге так или иначе воплощается в пространственных практиках или их отсутствии.

Заключение

Итак, на основании представленных дефиниций urban imaginary можно заключить, что городское воображаемое проявляется повсеместно: «...от новых представлений об умных, экологических и

устойчивых городах до почтовых открыток с городскими винтажными и ностальгическими видами; от архитектурной визуализации роскошной жизни до перформативного активизма в поддержку новой пространственной справедливости; от городских утопий в кино, фотографии и литературе до дополненной городской реальности в играх и мобильных приложениях, основанных на привязке к местоположению» [Lindner, Meissner 2019, 1]. В определенной мере это действительно так, поскольку городским воображаемым именуется все многообразие существующих представлений о городе, вся палитра его ментальных, образных и символических репрезентаций. Однако для дальнейшего развития дискурса, складывающегося вокруг понятия *urban imaginary*, необходима детальная аналитическая работа, которая позволила бы дифференцировать различные виды городского воображаемого, классифицировать наши представления о городе по тем или иным признакам и определить, как воображаемое сказывается на конкретной городской прагматике и позволяет горожанам реализовать свое право на город.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2017 – *Аванесов С. С.* Иерусалимская топка: Западная Сибирь / Нижняя Силезия // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 4 (14). С. 65–89.
- Аванесов 2022 – *Аванесов С. С.* Сакральная топка русского города (11): визуализация сакрально-политической темы во владимирской храмовой декорации // Визуальная теология. 2022. Т. 4. № 1. С. 67–98.
- Барт 2008 – *Барт Р.* Нулевая степень письма. М.: Акад. проект, 2008.
- Вахштайн 2022 – *Вахштайн В.* Воображая город. Введение в теорию концептуализации⁵. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- Замятин 2010 – *Замятин Д.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 3. С. 26–50.
- Ле Гофф 2001 – *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / пер. с фр. Е. В. Морозовой. М.: Прогресс, 2001.
- Линднер 2019 – *Линднер Р.* Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике / пер. с нем. К. Левинсона // Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 101–116.

⁵ Настоящий материал (информация) произведен иностранным агентом Вахштайном Виктором Семёновичем, либо касается деятельности иностранного агента Вахштайна Виктора Семёновича.

- Митин 2011 – Митин И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. Литературно-философский журнал. 2011. № 1. С. 62–73.
- Оже 1999 – Оже М. От города воображаемого к городу-фигии // Художественный журнал. 1999. № 24. URL: <http://old.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> (дата обращения: 14.03.2023).
- Саид 2006 – Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006.
- Смирнов 2022 – Смирнов С. А. Человек в городе и город в человеке, или Еще раз о предмете городской антропологии (2) // *Urbis et Orbis*. Микроистория и семиотика города. 2022. № 1 (2). С. 7–28.
- Стародубцева 1996 – Стародубцева Л. В. Поэтика воображаемого города в реальном мире духовных поисков (как цели в историческом действии человека) // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога. М.: Наука, 1996. С. 48–60.
- Федотова 2020 – Федотова Н. Г. Urban imaginary: визуальные маркеры городского воображаемого // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1 (23). С. 121–139.
- Шаповалов и др. 2021 – Шаповалов М. С., Бокатов А. Ю., Валитов А. А., Герасимова В. А., Григорян Э. Р., Манцевич Л. Н., Мурастова К. А., Шевелёв Д. Л. Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в. СПб.: Нестор-История, 2021.
- Anderson 1983 – Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin a spread of nationalism. London: Verso, 1983.
- Bloomfield 2006 – Bloomfield J. Researching the Urban Imaginary: Resisting the Erasure of Places // *Urban Mindsapes of Europe European Studies*. Editions Rodopi BV, 2006. P. 45–61. (An Interdisciplinary Series in European Culture, History and Politics; vol. 23).
- Bonakdar, Audirac 2021 – Bonakdar A., Audirac I. City Planning, Urban Imaginary, and the Branded Space: Untangling the Role of City Plans in Shaping Dallas's Urban Imaginaries // *Cities*. 2021. Vol. 117. Art. 103315.
- Castoriadis 1975 – Castoriadis C. L'institution imaginaire de la société. Paris: Seuil, 1975.
- Delorme 2005 – Delorme P. De l'école de Chicago à l'imaginaire urbain // *La ville autrement* / ed. by P. Delorme. Québec: PU Québec, 2005. P. 9–27.
- Lacan 1966 – Lacan J. Écrits. Paris: Seuil, 1966.
- Lindner 2006 – Lindner R. The *Gestalt* of the Urban Imaginary // *Urban Mindsapes of Europe European Studies*. Editions Rodopi BV, 2006. P. 35–42. (An Interdisciplinary Series in European Culture, History and Politics; vol. 23).

- Lindner 2021 – *Lindner R.* The Imaginary of the City // Sensing the City: A Companion to Urban Anthropology / ed. by A. Schwanhäuffer. Berlin & Boston: Bauverlag, 2021. P. 114–120.
- Lindner, Meissner 2019 – The Routledge Companion to Urban Imaginaries / ed. by Ch. Lindner and M. Meissner. London & New York: Routledge, 2019.
- Lynch 1960 – *Lynch K.* The Image of the City. Cambridge & London: Cambridge Technology Press, 1960.
- Mosco 2019 – *Mosco V.* The Smart City in a Digital World. Emerald Publishing, 2019.
- Perry 2012 – *Perry N.* Ethnography of a Concept: Rethinking the Urban Imaginary // Hidden Cities: Understanding Urban Popcultures / ed. by L. R. Koos. Oxford, 2012. P. 73–83.
- Rose-Redwood, Bigon 2018 – Gridded Worlds: An Urban Anthology / ed. by R. Rose-Redwood, L. Bigon. Springer, 2018.
- Sartre 1940 – *Sartre J.-P.* L'imaginaire: Psychologie phénoménologique de l'imagination. Paris, 1940.
- Soja 1996 – *Soja E. W.* Thirdspace. Journey to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Cambridge, MA: Blackwell, 1996.
- Soja 2000 – *Soja E.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Blackwell Publishing, 2000.
- Zukin et al. 1998 – *Zukin Sh. et al.* From Coney Island to Las Vegas in the Urban Imaginary // Urban Affairs Review. 1998. Vol. 2 (5). P. 627–654.

REFERENCES

- Anderson, B. (1983). *Imagined Communities*. Verso.
- Augé, M. (1999). From Imaginary City to Fiction City. *Khudozhestvennyy zhurnal*, 24. <http://old.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm>
- Avanesov, S. S. (2017). Jerusalem Topic: Western Siberia / Lower Silesia. *ΠΡΑΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*, 4(14), 65–89. (In Russian).
- Avanesov, S. S. (2022). Sacred Topics of Russian Cities (11): Visualization of the Sacred-Political Theme in the Vladimir Temple Decoration. *Journal of Visual Theology*, 4(1), 67–98. (In Russian).
- Barthes, R. (2008). *Le degré zéro de l'écriture*. Editorial URSS. (In Russian).
- Bloomfield, J. (2006). Researching the Urban Imaginary: Resisting the Erasure of Places. In *European Studies: An Interdisciplinary Series in European Culture, History and Politics* (Vol. 23, pp. 45–61). Brill.
- Bonakdar, A., & Audirac, I. (2021). City Planning, Urban Imaginary, and the Branded Space: Untangling the Role of City Plans in Shaping Dallas's Urban Imaginaries. *Cities*, 117. 103315.

- Castoriadis, C. (1975). *L'institution imaginaire de la société*. Le Seuil.
- Delorme, P. (2005). De l'école de Chicago à l'imaginaire urbain. In P. Delorme (Ed.), *La ville autrement* (pp. 9–27). Presses de l'Université du Québec.
- Fedotova, N. G. (2020). Visual Markers of the Urban Imaginary. *Praxema. Journal of Visual Semiotic*, 1(23), 121–139. (In Russian).
- Lacan, J. (1966). *Écrits*. Editions du Seuil.
- Le Goff, J. (2011). *L'imaginaire médiéval*. Progress.
- Lindner, Ch., & Meissner, M. (Eds.). (2019). *The Routledge Companion to Urban Imaginaries*. Routledge.
- Lindner, R. (2006). The Gestalt of the Urban Imaginary. In *European Studies: An Interdisciplinary Series in European Culture, History and Politics* (Vol. 23, pp. 35–42). Brill.
- Lindner, R. (2019). *Die Eigenlogik der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung* (pp. 101–116). Logos. (In Russian).
- Lindner, R. (2021). The Imaginary of the City. IN A. Schwanhäußer (Ed.), *Sensing the City: A Companion to Urban Anthropology* (pp. 114–120). De Gruyter.
- Lynch, K. (1960). *The Image of the City*. Routeledge.
- Mitin, I. (2011). Toward an Imaginative Geography: Two Turns, Three Spaces. *Topos. Literaturno-filosofskiy zhurnal*, 1, 62–73. (In Russian).
- Mosco, V. (2019). *The Smart City in a Digital World*. Emerald Publishing.
- Perry, N. (2012). Ethnography of a Concept: Rethinking the Urban Imaginary. In L. R. Koos (Ed.), *Hidden Cities: Understanding Urban Popcultures* (pp. 73–83). Brill.
- Rose-Redwood, R., & Bigon, L. (Eds.). (2018). *Gridded Worlds: An Urban Anthology*. Springer.
- Said, E. W. (2006). *Orientalism*. Russkiy mir.
- Sartre, J.-P. (1940). *L'imaginaire: Psychologie phénoménologique de l'imagination*. Gallimard.
- Shapovalov, M. S. et al. (2021). *Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' v XIX – nachale XXI v.* [Imagining Palestine: The Holy Land and Russian Identity in the 19th – Early 21st Centuries]. Nestor-istoriya.
- Smirnov, S. A. (2022). A Person in a City and a City in a Person, or Once again about the Subject of Urban Anthropology (2). *Urbis et Orbis. Mikroistoriya i semiotika goroda*, 1(2), 7–28. (In Russian).
- Soja, E. (2000). *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions*. Blackwell Publishing.
- Soja, E. W. (1996). *Thirdspace. Journey to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Blackwell.

- Starodubtseva, L. V. (1996). Poetics of an Imaginary City in the Real World of Spiritual Search (as a goal in a person's historical action). In G. Z. Kaganov et al. (Eds.), *Gorod i iskusstvo: sub''ekty sotsiokul'turnogo dialoga* [City and Art: Subjects of Sociocultural Dialogue] (pp. 48–60). Nauka. (In Russian).
- Vakhshtayn, V. (2020). *Voobrazhaya gorod. Vvedenie v teoriyu kontseptualizatsii* [Imagining a City. Introduction into Theory of Conceptualization]⁶. NLO.
- Zamyatin, D. (2010). Humanitarian Geography: Space, Imagination, and Interaction between Contemporary Human Sciences. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 9(3), 26–50. (In Russian).
- Zukin, Sh. et al. (1998). From Coney Island to Las Vegas in the Urban Imaginary. *Urban Affairs Review*, 2(5), 627–654.

Материал поступил в редакцию 17.03.2023

Материал поступил в редакцию после рецензирования 28.08.2023

⁶ This material (information) was produced by a foreign agent Viktor Vakhshtain, or concerns the activities of a foreign agent Viktor Vakhshtain.